

УДК 82.09

Протасова Наталия Владимировна

ЦВЕТОПИСЬ В ЦИКЛЕ «БАЛЬМОНТУ» СБОРНИКА СТИХОВ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ»

В статье рассматривается цикл посланий А. Белого сборника стихов «Золото в лазури», в котором поэт для создания образа К. Бальмонта прибегает к художественному приему цветописы. Анализ посланий позволяет оценить самобытность и неповторимость поэтического почерка А. Белого, понять особенности восприятия им одного из ярких представителей поэзии Серебряного века.

Ключевые слова: послание, цикл, циклизация, цветопись.

Protasova Natalya V.

«SVETOPIS» IN THE CYCLE, NAMED «TO BALMONT» IN THE COLLECTION OF POEMS BY ANDREW BELY, WHICH IS TITLED «GOLD IN BLUE»

The article considers the cycle of epistles by A. Bely in the collection of poems, titled «Gold in Blue» in which the poet, in order to create the image of K. Balmont, resorted to the artistic mean, which is called «Svetopis». Analysis of epistles allows us to evaluate the originality and uniqueness of the poetic handwriting of A. Bely and helps to understand the specifics of the perception of one of the brightest representatives of Silver Age poetry.

Key words: epistles, cycle, ciclization, «svetopis».

Андрей Белый принадлежит к числу тех поэтов, кто в начале XX века вновь обратился к жанру послания, достаточно популярному в русской литературе в XVIII веке и в первой трети XIX века, а затем почти переставшему существовать и проявляющемуся лишь в творчестве отдельных поэтов.

Адресатом посланий А. Белого нередко становился Константин Бальмонт, стихами которого он увлекся, еще будучи гимназистом. Однако это не было слепое преклонение перед «академиком», поскольку многое в поэзии К. Бальмонта «удручало» начинающего литератора. Даже книга К. Бальмонта «Будем как Солнце» вызвала весьма противоречивый отзыв А. Белого: «... нас книга дразнила; в ней – блеск овладения приемами, краски, эффекты; и – ритм; все же «испанец», срывающий платье, казался подделкой под собственный замысел: под золотистый тон солнца» [4, с. 239].

«Будем как Солнце» вдохновила А. Белого на создание сборника «Золото в лазури», куда вошли сразу три послания к К. Бальмонту, составивших цикл под названием «Бальмонту». Прием циклизации широко использовался поэтами-символистами (достаточно вспомнить «Послания и оды» и «Послания» В. Брюсова; «Послания» А. Блока, цикл «Брюсову» А. Белого, «А. Блоку» Вяч. Иванова и др.). Циклизация посланий была обусловлена прежде всего авторской установкой на определенную эстетическую цельность и законченность.

Во всех трех посланиях обращает на себя внимание богатая цветовая гамма, которой пользуется А. Белый, характеризуя личность и творчество К. Бальмонта. Это обусловлено тем, что символисты отводили в своих эстетических теориях особую роль цвету, поэтому и для А. Белого «цветовой код» являлся одним из основных средств передачи своего отношения к адресату.

В статье «Как мы пишем» А. Белый отмечал: «Главное задание в написанном – чтобы звук, краски, образ, сюжет, тенденция сюжета проникали друг в друга до полной имманентности. Чтобы звук и краска вскричали смыслом, чтобы тенденция была звучна и красочна» [1, с. 18].

В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что наиболее часто поэт использует три цвета: красный, синий и желтый и их различные оттенки. Сам А. Белый, объясняя смысл названия книги «Золото в лазури», дает расшифровку желтого и синего цвета: «золото» – созревшие нивы, «лазурь»

– воздух» [4, с. 283]. Далее поэт продолжает: «... и была какая-то отравя в немоте моей, в неумении сказаться; солнце и озаряло меня, пьяня; но солнечный перепой сказывался ядовито; и было – больно; так больно!.. В 908 сознав до конца боль моей «светозарности», я выразил ее в лирических строчках: поэт склонен к Канту; настенная тень его, образом демона выпав с обой, просиявши, как пыль в луче солнца, указывает желтым ногтем на... Канта...» [4, с.284–285].

Таким образом, желтый цвет – это не только солнечный свет («Будем как Солнце»), но и намек на философию Канта и Ницше, и угасание идеалов «эпохи зорь» и мистических надежд. Влияние Ницше и старших символистов сказывается и в восприятии А. Белым личности К. Бальмонта. А. Белый создает образ «художника-дьявола», «последнего поэта, проживающего в XIII веке», исходя из древнего представления о том, что поэзия, как и всякое другое художественное творчество, связана с темными силами подземного мира. В то же время он отмечает в К. Бальмонте «Что-то детское, доброе – в очень растерянном виде: и – что-то раздавленное» [4, с. 241].

При этом нельзя забывать о том, что А. Белый, создавая сборник «Золото в лазури», ставил перед собой задачу передать настроение своих собратьев по кружку «Аргonautов» в предчувствии грядущей «зари», поскольку они считали себя предвестниками нового мира, а К. Бальмонт оставался связанным, в их представлении, с веком ушедшим. И все это нашло отражение в посланиях А. Белого к К. Бальмонту.

Уже в первом послании А. Белый использует богатую цветовую палитру, причем им названы все те четыре стихии, неразрывно связанные с характеристикой К. Бальмонта, который сам заявлял: «Огонь, Вода, Земля и Воздух – четыре царственные Стихии, с которыми неизменно живет моя душа в радостном и тайном соприкосновении. Ни одного из ощущений я не могу отделить от них, и помню о их Четверогласии всегда» [2, т. 1, с. 7].

В послании А. Белого эти стихии представлены следующим образом: земля – «золотистая даль», вода – «океан голубой», воздух – «голубеющий бархат эфира», огонь – красный отсвет лежит на облаках (облака как рубины), на льдинах (красные льдины). Преобладающим цветом первого послания становится красный цвет.

Прежде всего красный цвет ассоциируется непосредственно с обликом К. Бальмонта. В своих воспоминаниях о первой встрече с поэтом А. Белый, рисуя его портрет, отмечает «рыже-красную бородку» и «такие же подстриженные волосы», «маленький носик, с краснеющим кончиком», «каре-красные глазки», «помесь рыжего Тора, покинувшего парикмахера Пашкова, где стригся он, чтобы стать Мефистофелем» [4, с. 241].

Еще более яркую характеристику К. Бальмонту дает А. Белый в работе «Символизм и творчество»: «Бальмонт – залетная комета. Она повисла в лазури над сумраком, точно рубиновое ожерелье. И потом сотнями красных слез пролилась над заснувшей землею. Бальмонт – заемная роскошь кометных багрянцев на изысканно-нежных пятнах пунцового мака» [5, с. 403]. Как видим и здесь для характеристики К. Бальмонта А. Белый использует, прежде всего, красный цвет: рубиновое ожерелье, красные слезы, пунцовый мак, багрянец комет.

В то же время не надо забывать, что красный цвет в системе символов А. Белого многозначен: «В красном цвете сосредоточены ужас огня и тернии страданий» [3, с. 12], красный цвет несет в себе отражение демонического начала и «всепожирающую страсть», он – цвет крови, проливаемой в вечной борьбе добра и зла, жизни и смерти, символ праведности и мученичества. Не случайно А. Белый говорит о стремлении К. Бальмонта производить впечатление демонической личности, Мефистофеля, создавая тем самым некий мифопоэтический образ.

В послании отразился космологизм мироощущения А. Белого, близкий мифопоэтическому мировоззрению «космологической эпохи», не случайно К. Бальмонт воспринимается им как частица «единого мирового природного целого». Да и сам К. Бальмонт в стихотворении «Воззвание к океану» дает к такому восприятию достаточные основания, когда восклицает:

Дай мне быть твоей пылинкой влажной,

Каплей в вечном... Вечность! Океан! [2, т. 1, с. 362].

Не случайно в связи с этим в первом послании А. Белого появляется образ океана: «Ты сказал: «Океан голубой еще с нами, о братья». Так в этом послании появляется голубой цвет, а тьма, древний хаос ассоциируются с черным цветом, свет луны – с желтым.

Центральным цветом второго послания становится синий, связанный с небом, беспредельностью, Вечностью. В использовании синего, голубого как поэтического образа преобладает символическое начало. Часто он передает ощущение зыбкости, нереальности, атмосферу сна, выражает идею самопожертвования и кротости. Здесь уместно также вспомнить, что в контексте рассуждений А. Белого «лазурь» не столько служит для обозначения голубого цвета, сколько является синонимом «лучезарности», «света». В этом послании вновь появляются цвета, которые наиболее точно передают восприятие поэтом личности К. Бальмонта: желтый – («огонечки небесных свечей»), черный – («горестный мрак»), красный – («пнящие багрянцы», голубой – («голубые восторги»).

В послании есть прямые параллели со стихотворением К. Бальмонта «Воззвание к океану», в котором «бессмертный» океан – «древний прародитель», хранящий «тысячелетний сон», символизирует идею цельности и Вечности, близкую А. Белому. «Мне Вечность – родственна», – так поэт оценивал себя сам.

Тема Вечности продолжена и в последнем послании цикла. Она становится спутником истинного поэта, каким и представляется А. Белому К. Бальмонт, «вечного, свободного, могучего», пусть он даже не понят людьми:

Поэт, – ты не понят людьми.

В глазах не сияет беспечность.

Глаза к небесам подними:

С тобой бирюзовая Вечность.

С тобой, над тобою она,

Ласкает, целует беззвучно... [6, т. 1, с. 46–47].

Цветовая палитра этого послания весьма богата, причем, некоторые цвета названы (бирюзовая Вечность, лазурь, в голубом), а другие возникают благодаря ассоциациям: тучи – черный, закат – багряный, огонь – красный, жемчужины – серебристый.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что, используя цветопись в посланиях К. Бальмонту, А. Белый стремился уйти от обыденного изображения адресата к мистическому идеалу. Он создает образ К. Бальмонта – «поэта божьей милостью», «поэта-демиурга», который, «Точно с планеты Венеры на землю упав, развивал жизнь Венеры, земле вовсе чуждой, обвив себя предохранительным коконом» [4, с. 249], поэта, в котором неразрывно слились добро и зло, свет и тьма, демон и дитя.

Литература

1. Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М.: Советский писатель, 1988.
2. Бальмонт К. Собр. соч.: В 2 т. М.: Можайск-Терра, 1994.
3. Белый А. Арабески. Книга статей. М., 1911.
4. Белый А. Начало века. М.: Худож. лит., 1990.
5. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994.
6. Белый А. Сочинения.: В 2 т. Т. 1. Поэзия. Проза. М.: Худож. лит., 1990.